

УДК 1 (091)

И.А. Ильин об основных противоречиях человеческого бытия

И.А. Дудина

Гуманитарный факультет МГТУ, кафедра философии

Аннотация. Статья посвящена анализу исследования И.А. Ильиным, видным философом русского зарубежья, проблемы противоречивости человеческого бытия. Автор выявляет истоки формирования философских взглядов мыслителя по данной проблеме, его представления о сущности и существовании человека в мире и подробно останавливается на рассмотрении И.А. Ильиным основных духовных трагедий человека и путей их преодоления.

Abstract. The paper analyzes philosophical views of I.A. Il'in, the prominent Russian philosopher of immigration. The author considers origins of philosophical views of the thinker, his thoughts about the essence and existence of a person in the world. The main spiritual tragedies of man and ways of their overcoming considered by I.A. Il'in have been studied in details.

Ключевые слова: Иван Александрович Ильин, философия русского зарубежья, философская антропология, экзистенциализм, сущность и существование человека, противоречия человеческого бытия, духовные трагедии человека

Key words: Ivan Aleksandrovich Il'in, philosophical anthropology, existentialism, essence and existence of man, antagonisms of human being, spiritual tragedies of man

1. Введение

Творчество Ивана Александровича Ильина (1883-1954), оригинального философа русского зарубежья, совпало с величайшими для России и Европы потрясениями XX века, которые обозначили катастрофическую ситуацию тотальной незащищенности человеческой жизни, потенциально возможную гибель всего человечества. Сама эпоха, состоящая из сплошных катаклизмов, настоятельно требовала осознания метафизических, "последних" вопросов бытия, и в первую очередь, – проблемы человека. Все творчество И.А. Ильина – это попытка осмысления особенностей человеческого бытия, поиска смысла человеческого существования. Какие бы проблемы ни затрагивал философ, – проблемы онтологии, гносеологии, политики, этики и др., – он приходил к одному и тому же выводу – о неразрешимой противоречивости человеческого бытия. В этом проявляется важнейшая особенность его философского мировоззрения: "Проницательно выявляя в бытии человека внутренние противоречия, Ильин утверждает их *принципиальную неразрешимость*. Человек оказывается перекрестком всех главных противоречий мира, противоречивость – это суть его бытия; если бы эти противоречия исчезли, исчез бы и сам человек как центр мироздания, как главное действующее лицо «мировой трагедии»" (*Евлампов, 2000*).

Во всех своих трудах И.А. Ильин отталкивался от эмпирического бытия человека, взятого в его иррационально-жизненной конкретности, пытался всесторонне рассмотреть смысложизненные проблемы, определить критерии истинных ценностей – все это дает основание считать И.А. Ильина предшественником европейской экзистенциальной философии.

2. Постановка проблемы противоречивости человеческого бытия в раннем периоде творчества

В развитии философского мировоззрения И.А. Ильина выделяют два этапа, которые называют доэмигрантским ("московским") и эмигрантским. В первый период, длившийся до высылки мыслителя из Советской России (сентябрь 1922 года), шло становление и формирование воззрений И.А. Ильина. Свою философскую работу он начинал с методичного и глубокого усвоения и переосмысления русской и западноевропейской философской традиции, разрабатывал учение о праве, государстве, правосознании и активно откликался статьями на все исторические события эпохи. Эмигрантский период – с 1922 года – характеризуется напряженной публицистической и политической деятельностью, направленной против идей коммунизма и большевизма, и плодотворным философским творчеством, в котором произошел пересмотр мыслителем некоторых ранних воззрений под влиянием на него православного богословия.

Первые самостоятельные работы молодого мыслителя, опубликованные в 1910-1914 гг. ("Понятие права и силы. Опыт методологического анализа", "Идея личности в учении Штирнера", "О любезности", "Кризис идеи субъекта в наукоучении Фихте Старшего. Опыт систематического анализа", "Философия Фихте как религия совести", "Шлейермахер и его «Речи о религии»"), содержат истоки его своеобразного философского мировоззрения. В центре внимания И.А. Ильина – проблемы

сущности и смысла человеческого существования, судьбы человека в мире. Русский мыслитель строит свою антропологическую концепцию на убежденности в глубокой и неразрешимой противоречивости человеческого бытия. С одной стороны, фундаментальной характеристикой каждого человека является его абсолютная индивидуальность, уникальность, неповторимость, что обуславливает его отъединенность от других людей, его "одинокость". Но, с другой стороны, все люди едины в некоей сверхчувственной духовной целостности, в своей высшей духовной сущности. К этому указанному противоречию И.А. Ильин первоначально возводил все важные явления индивидуальной и общественной жизни. Он утверждал: "Не общее важно в человеке и его свойствах, а частное; и частное не в меру только своей оригинальности и своеобразия, а в меру одной своей наличной данности. При таком понимании в человеке не производится разрыва на существенное и несущественное; в нем *все* существенно в меру одной своей наличности... Ценностью и целью объявляется... каждый конкретный человек во всем своем своеобразии" (Ильин, 1911). В этих словах отчетливо обнаруживается один из основных принципов экзистенциализма: "Существование предшествует сущности". Человек уже своим существованием заявляет о своей уникальности, о стремлении самому сформировать свою неповторимую сущность, утверждает, что он – личность, самая высшая ценность в мире и цель. Ильин доказывает, что каждый человек ценен, уникален уже тем, что он – человек; и не важно, каким набором свойств он обладает. Нельзя рассматривать человека абстрактно, выделяя в нем какую-то существенную часть, некое ядро его качеств; нельзя понять человека не-цельным. Русский мыслитель преодолевает недостатки гегелевской философии и призывает к постижению конкретности, самостоятельности личности не только в ее гносеологическом, но и в экзистенциальном, бытийно-практическом плане, поскольку личность проявляется во всей полноте только через практическую деятельность, волевые действия в мире. Ильину явно импонируют утверждения М. Штирнера об единственности человека, его самобытности, исключительности, отъединенности, самоценности. Он полностью соглашается с главным тезисом немецкого философа: "Личность... есть *живая неповторимая бесконечность*" (Ильин, 1911).

Наряду с рассмотрением положения об абсолютной цельности личности И.А. Ильина занимает и проблема "конкретности человека как части конкретной действительности". Он выделяет такие свойства конкретного, как сложность, своеобразность, неповторяемость, особливость. Каждое "Я" именно потому не повторяемо, что бесконечно сложно, и именно потому бесконечно сложно, что конкретно. Обнаружение все новых и новых свойств конкретно-эмпирического как такового Ильин обозначает термином "иррациональность". Конкретному эмпирическому человеку свойственна бесконечная "иррациональная глубина", граничащая с "иррациональной бесконечностью" индивидуальности личности. Каждый человек обладает такими иррациональными свойствами (качествами), которые нельзя ограничить рационалистическими формами и рамками.

Одновременно И.А. Ильин поднимает проблему взаимопонимания, духовного единства личностей и пытается описать бытие человека в обществе как выражение единства самобытной индивидуальности человека и его принадлежности к духовной целостности. Аспект бытия личностей, связанный с их духовным единством, он обозначил термином "моральность". В его представлении "индивидуальность" и "моральность" являются своеобразными "метафизическими полюсами", определяющими реальное эмпирическое бытие человека и общества. Исследуя соотношения противоположных планов человеческого бытия, Ильин на основе феноменологического анализа форм общения попытался выявить определенные "архетипы" синтеза "индивидуальности" и "моральности" и представить всю эмпирическую действительность общения как упорядоченную закономерную систему.

На конкретных примерах философ показал, что само по себе общение может быть чрезвычайно разнообразным. Некоторые отношения проходят через сознание и контролируются им: человек четко осознает, какие внешние факторы на него воздействуют и как ему следует реагировать на них, не меняя своей индивидуальности. Но некоторые беспорядочные "касания" между отдельными душевными монадами, как считал Ильин, могут существенно изменить структуру индивидуальности, причем незаметно для самого человека. Бесконечная, неповторяемая сложность внутреннего мира человека создает трудности в общении и приводит к тому, что наличность гармонических касаний между членами общения кажется просто "чудом". При этом мыслитель выводит такую закономерность: чем утонченнее внутренняя организация человека, тем более он не способен к "маленькому", мелкому общению, и тем большее (иногда почти непрерывное) страдание испытывает от общения такой человек.

Так как же жить человеку в обществе? Возможна ли гармония общения в коллективной жизни? Ведь именно общение играет в жизни людей решающую роль, является способом существования "отдельных душевных монад", т.е. людей, в обществе. И.А. Ильин показал, что если бы вся система "касаний" между людьми была абсолютно непредсказуемой, то наше существование было бы

чрезвычайно тяжелым и бесконечно болезненным. Однако в течение длительной исторической практики люди выработали различные формы общения, которые позволяют, с одной стороны, удовлетворить присущее человеку инстинктивное стремление к гедонизму в общении, а с другой, – свести по возможности к минимуму связанные с общением неприятные чувства. Ильин выделяет вежливость, любезность и деликатность в качестве основных форм общения, хотя четких границ между указанными формами провести невозможно, они незаметно переходят друг в друга. Сравнивая эти формы, философ стремится избежать крайностей в понимании проблемы бытия человека в обществе: он отвергает как абсолютизацию независимости, "одинокости" человека, так и абсолютизацию социальности, полной зависимости человека от системы отношений с другими людьми. Реальное общение, по его мнению, всегда находится где-то между этими крайностями.

Наиболее гармоничной формой синтеза противоположных полюсов человеческого бытия является любезность, которая оптимально сочетает эгоистическое, гедонистическое и альтруистическое начала. Трагизм бытия человека в обществе проявляется в том, что общение даже в форме любезности приводит лишь к формальной гармонии, является своеобразным компромиссом, который предполагает некое среднее состояние между обособлением и единством людей. Трагизм в общении проявляется и в том, что углубление любезности, ее качественное развитие всегда идет в ущерб количественной стороне, т.е. чем больше в общении индивидуального, тем меньше людей оно может охватить. Таким образом, И.А. Ильин представляет бытие человека в обществе внутренне противоречивым, трагическим процессом. Сущностью человека оказывается "несчастное сознание", которое разрывается между стремлением к единению и пониманием невозможности уйти за пределы своей конечности. Не ограничиваясь только лишь феноменологией человеческого общения, Ильин стремится найти онтологическое обоснование указанному противоречию и развивает оригинальные идеи, близкие по духу кругу идей европейского экзистенциализма и персонализма.

Анализируя наследие И.Г. Фихте, И.А. Ильин выявил в его учении радикальное противоречие: немецкий мыслитель одновременно стремится обосновать концепцию Богочеловечества, согласно которой Бог признается погруженным в человека, и пытается доказать, что Богочеловечество – недостижимый идеал, и человек не способен обладать творческой сущностью Бога; "ограниченность есть удел человеческого существа" (Ильин, 1912). Пытаясь объяснить причины противоречия И.Г. Фихте, Ильин, опираясь на его же учение, предложил новый подход к проблеме человека, доказав, что у Фихте человек впервые перестал сводиться к абстрактному гносеологическому субъекту и был понят как абсолютно конкретный и абсолютно свободный человеческий дух, несущий в себе подлинное божественное начало мира. В представлении Фихте человека, во всей его духовной конкретности, необходимо одновременно рассматривать и в качестве единичного индивида, и в качестве Абсолюта, Бога, хотя последнее начало в человеке скрыто, является "сверхчувственным внутрисубъективным началом". Ильин принимает положение Фихте о том, что невозможно больше представлять Бога в традиционном смысле трансцендентным человеку, однако он не разделяет стремления немецкого философа отождествить Бога и человека. Однако у Фихте И.А. Ильин нашел и принял для себя идею, согласно которой человек включает в себя два начала: абсолютное и конечное, метафизическое и эмпирическое, и лишь в совокупности, в диалектическом единстве они "образуют" человека.

В ранних работах И.А. Ильин еще довольно оптимистично оценивал возможности духовного единения людей, считал, что "одинокость" человека можно преодолеть в высшей духовной любви, любви к Совершенству, Богу. В свободном творческом порыве к Богу, писал он, "душа человека находит свое единство, ибо *Бог есть единство*; и свою цельность, ибо *Бог есть цельность*. Разорванное и распавшееся воссоединяется; то, что было "два", становится "одним"; каждый человек обнаруживает свое единство с Богом и через это единство раскрывается последнее и величайшее: мир человеческих личностей, со всем его многообразием, разьединенностью и противоборством, оказывается пустой видимостью рефлексии, ибо *все люди суть живые части единой Божественной субстанции*. В Боге все соединяется, ибо *Бог есть любовь*" (Ильин, 1914). Таким образом, путь к Богу и есть путь к определенному "слиянию" людей, которое, как впоследствии выяснит Ильин, является недостижимым в историческом времени.

С началом первой мировой войны проблема противоречий между личностью и обществом, конечностью индивида и бесконечностью истинного духовного бытия превращается для И.А. Ильина из теоретической в практически значимую, определяющую ценность жизни. В работах "Основное нравственное противоречие войны" (1914) и "Духовный смысл войны" (1915) философ утверждает, что в критической исторической ситуации приоритет общественных ценностей над индивидуальными устремлениями личности и отчетливо проявляется нравственное и социально-духовное единство людей: "... *род человеческий душевно и духовно един*; душевно един – ибо живет в сплошном

реальном взаимодействии; духовно един – ибо творчески восходит к единой истине, единому добру и единой красоте" (Ильин, 1996б). Если мирная жизнь разъединяет, люди живут своими личными, семейными, групповыми интересами, то война "насильственно" объединяет, призывает всех к общему делу, ради которого человек готов идти на смерть. Готовность человека к смерти в такой критической, "пограничной" ситуации доказывает "укорененность" личности в надчеловеческой духовной общности: "Война учит нас жить всегда так, чтобы быть готовым встать на защиту того высшего, которое мы любим больше себя" (Ильин, 1915). Высшее дело, которое война выявляет для каждого из нас как высшую ценность, Ильин называет "объективной духовной жизнью народа" или "духовным достоянием народа", а это и есть, по его мнению, "постигнутый... народом лик Божества". Однако следует заметить, что философ считает оправданной только войну "духовно-оборонительную", в которой перед народом стоит цель – защитить свое духовное достояние от посягательств злой внешней силы. Именно такой Ильин и считал войну России против Германии.

Философское осмысление истоков и значения той трагедии, начало которой положил 1914 год, изложено И.А. Ильиным в главах книги "Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека" (1918), в которой философия немецкого классика представлена как философия мировой трагедии, в центре которой оказывается человек. Смысл трагедии заключается в непрерывной, развертывающейся в реальном историческом времени борьбе между божественным (рациональным, благим Понятием) и иррациональным (эмпирическим, злым хаосом, который порождает несовершенство, раздробленность, страдания в мире). Если Г.В.Ф. Гегель, как показывает Ильин, верил в то, что божественное начало мира способно, в конце концов, преодолеть, преобразить низшую стихию, весь мир к идеальному, благому, божественному состоянию, то русский мыслитель в своем исследовании признал, что оптимистический замысел Гегеля является нереализуемым. Иррациональная стихия потому оказывается непреодолимой, что сам Бог несет в себе определенную "ущербность", которая особенно полно и наглядно раскрывается в человеке. Абсолютно непреодолимая конечность, единичность человека выражает ограниченность господства Бога в мире. Именно человек есть одновременно и высшая форма воплощения Бога и абсолютный "предел" для его воплощения: "'Предел человека" есть нечто большее, чем *его* предел или *его* "грех": это есть *предел самого Божества*, придавшего себе человеческий образ и антропоморфный способ существования" (Ильин, 1994б). Человек оказывается центром "мировой трагедии", "трагедии Божьих страданий", причем полем борьбы между божественным и иррациональным является душа самого человека. По И.А. Ильину, Бог не "умер", как утверждал Ф. Ницше, – он оказался бессильным перед злой, иррациональной стихией мира и вверил человеку всю ответственность борьбы со злом и несовершенством. Надежда на победу добра, справедливости и совершенства в некой перспективе исторического времени существует, но полностью зависит от воли, решимости, самостоятельности человека, от решения им важнейших смысложизненных вопросов.

Над проблемой трагичности существования человека, восходящей к фундаментальным противоречиям в основаниях бытия, русский философ будет размышлять всю свою жизнь, она будет просматриваться во всех его последующих сочинениях.

3. Основные духовные трагедии человека и пути их преодоления

В работах эмигрантского периода И.А. Ильин показывает, что трагическая сущность обнаруживается прежде всего в самой жизни, в ее реальных событиях, в деяниях и судьбе человека: "Трагедия есть первично – трагедия живого бытия, а не фантастических образов искусства; она появляется в искусстве лишь вторично и притом именно потому и только потому, что она осуществляется в человеческой жизни. Трагедия есть не «литературная форма», а жизненное состояние, возникающее из самой сущности земнородного человеческого духа" (Ильин, 1993). Трагичность бытия, по Ильину, объективна: неразрешимые, непреодолимые затруднения в земной жизни человека вызываются не его личными качествами, а самой объективно-сущей природой вещей; трагедии не выдумываются, а вырастают сами. Духовные трагедии заложены в объективном мире: в основе бытия; в обременительных или унижительных для духа человека законах природы; в несоответствии целей и средств; в неустранимости неприемлемого; в страданиях невинного за вину виновных; в поругании толпы над гением; в столкновении духа с чужой пошлостью и т.д. В подобных обстоятельствах духовный человек страдает от объективно-неразрешимого конфликта, складывается трагическая ситуация.

Однако, по мнению Ильина, прочувствовать, понять трагичность бытия дано далеко не каждому человеку, а только такому, который живет и действует на основе свободного выбора, волевого решения и ответственности за все содеянное, который сам является духом. Мыслитель представлял дух самым существенным, глубинным и определяющим основанием в человеке: "*Дух есть сила самоопределения* к

лучшему" (Ильин, 1996в). Эта сила объективно значима в душе человека как потребность священного начала, как наивысшая радость, как жилище совести, как источник правосознания и истинного патриотизма, как основа здоровой государственности и великой культуры, как живое чувство ответственности, сила личного самоутверждения. Мыслитель убежден: "...чем духовнее человек, чем глубже его душа, чем тоньше его чувствилище, чем праведнее его воля, – тем больше его жизнь насыщена трагическим... Чем значительнее человек, тем более его жизнь полна скорби, постоянно перерастающей в мировую скорбь" (Ильин, 1993). И наоборот, чем безбожнее человек, тем легче дается ему существование; недуховный человек, бессердечный и бессовестный обыватель, стремится лишь к личному или семейному жизнеустроению. Духовный же человек в своей жизни сталкивается с множеством различных трагических ситуаций.

Наиболее основательно И.А. Ильин представляет "три главные трагедии".

Первая, по его мнению, состоит в невозможности полного слияния человека с Богом в земной жизни. Ильин пришел к идее Бога и силой разума, и движением собственного сердца. Мыслитель признавал, что чрезвычайно трудно дать определение Бога и ответить на нелепый и духовно безграмотный вопрос безбожников "Где Бог?" У каждого человека свое представление о Боге, и оно во многом зависит от самого человека. Философ на протяжении всей жизни пытался найти это важное определение. В ранний период наряду с утверждением "Бог есть жизнь" Ильин высказывал и другое: "*Бог есть само знание; сама знающая мысль: ибо знание насыщено Богом, а Бог растворен в знании*" (Ильин, 1914). Для "зрелого" философа Бог есть добро и Совершенство, дух и любовь, "величайшее и чистейшее Средоточие вселенского бытия". Люди восходят к Богу разными путями, и Бог открывает себя каждому человеку иначе, отсюда религия есть живая связь Бога и человека, которая пребывает прежде всего внутри верующего. Духовный человек ищет Бога и понимает его как сущее Совершенство; стремится к восприятию Его и убеждается, что это восприятие требует от него самого очищения и совершенствования: к Богу ведет только личная праведность. Все свои внутренние состояния и жизненные дела человек соотносит с высшими ценностями, принимает в глубине своего сердца жизненное решение: "Лучше ничего, чем не лучшее..." (Ильин, 1993).

Человек, наделенный волей к совершенству, проводит напряженную внутреннюю работу над собственным духовным очищением, но чем чище, значительнее, духовно богаче становится его душа, тем больше он удостоверяется в своем несовершенстве, тем глубже осознает "безмерную разность" между Богом и человеком и приходит к выводу о недостижимости Бога. Философ считает, что эта трагедия неразрешима с точки зрения того, кто убежден, что жизнь человека на земле заканчивается с его смертью. Как христианский мыслитель, И.А. Ильин видел разрешение этой проблемы в возможности слияния с Богом в посмертной жизни. Земная жизнь – это лишь подготовка к новому пути и истинной свободе; и то, что предстоит человеку посмертно, мыслитель в последних своих работах объявлял главной и существеннейшей частью бытия человека.

Второй трагедией человека, наиболее ярко выражающей противоречивость человеческого существования, является телесно-душевно-духовная природа человека. Традиционный христианский дуализм души и тела у Ильина перерастает в учение о тройственности человеческой природы. Противоречие здесь заключается в том, что тело, душа и дух человека, по мнению русского философа, связаны Божественной мудростью в неразложимое личное единство. Однако в действительности потребность человека следовать своим духовным зовам часто наталкивается на препятствия – наслажденчество тела и дурной произвол души: "Тело человека ищет своих удовольствий и «не умеет» радоваться радостям духа. В это оно вовлекает человеческую душу, приучая ее ориентироваться не вверх, а вниз, и незаметно превращая ее в свое хитрое, изворотливое и лживое орудие; душа становится служанкой телесных похотей и вступает в борьбу с духом" (Ильин, 1993). Так уж устроен человек, что легче всего ему удастся удовлетворение телесных, физических потребностей и душевное наслаждение, а труднее всего – воля к духовному совершенству. Духу человека в его свободных проявлениях с необходимостью требуется и тело, и душа; дух не покоряется телу; напротив, он призван к средоточию, аккумуляции своих сил, укреплению их и подчинению себе тела. Вследствие этого "тело становится не главным, запутавшимся в страстях фактором жизни, а послушным носителем духа, его подлинным инструментом, его выражением, его живейшим органом и символом. В человеке аккумулируется духовность, а затем тело не только выражает духовно накопленный заряд, но и поддается его живому динамическому воздействию" (Ильин, 1996а). Человеческий дух переживается человеком как настоящая реальность, а тело является материальным носителем духа, его выражением, инструментом и символом.

Качественное своеобразие души, душевной жизни определяется ее промежуточным положением между временным потоком эмпирического телесно-предметного мира и сверхпредметностью духовного бытия. Душой Ильин обозначает весь поток не-телесных, внутренних переживаний человека, во всем его

объеме и разнообразии: "Душа – это вся совокупность того, что происходит в нашем «сознании», а равно и в нашем «бессознательном», на протяжении всей нашей жизни: это наши чувства, болевые ощущения, приятные и неприятные состояния, воспоминания и забвения, впечатления и помыслы, проносящиеся в нас мимолетно, а также деловые соображения и заботы, приковывающие нас к себе надолго" (Ильин, 1915). Из бесконечной совокупности внутренних душевных движений, вызываемых в основном воздействием эмпирической реальности, складывается индивидуальность человека.

Цель душевной деятельности заключается в достижении высшего духовного состояния. "Дух, – как объяснял И.А. Ильин, – это... лишь те душевные состояния, в которых человек живет своими главными, благородными силами и стремлениями, обращенными на познание истины, на созерцание или осуществление красоты, на совершение добра, на общение с Божеством... словом, на то, что человек признает *высшим и безусловным благом*... Дух это то, что *объективно значительно* в душе..." (Ильин, 1994а). Философ указывал, что дух человека есть основа *внутреннего закона и меры*: дух утверждает в человеке *высшее достоинство* и взывает к его *чести*; дух несет человеку идею *священного долга* и ограничительных запретов; дух воспитывает в человеке *характер*, утверждает в нем самостоятельную, своеобразную, свободную и ответственную личность, формирует правосознание, учит различать добро и зло, искать справедливость; дух открывает человеку путь к Богу, дух очищает человеческую душу для видения художественной красоты, ищет истину и создает науку; дух освящает брак и семью; дух творит национальную культуру, дает человеку родину и делает его патриотом. Таким образом, самобытная духовная активность человека характеризует его как личность.

И.А. Ильин подмечал, что древнее правило "здоровая душа в здоровом теле" совсем не всегда верно, так как "здоровое тело" может таить в себе скудно-пошлую душу и почти угасший дух. Поэтому это правило должно быть исправлено и сформулировано следующим образом: "могучий дух в духовно-здоровом теле". Именно дух является верховным критерием истинного телесного здоровья; однако философ признавал, что к каждому человеку необходимо подходить индивидуально, поскольку то, что одного возвышает, другого может погубить. Единого правила, единого критерия, одинакового для всех людей не существует; каждый должен индивидуально определить свою меру во всем – в еде, в труде, в отдыхе, в движении и неподвижности и т.п. Верное разрешение этого противоречия, этой трагедии человеческого бытия философ видел в правильном философском или религиозном опыте, на основе которого человек одухотворяет свои душу и тело. Неправильное же взаимоотношение этих трех сторон человеческой природы ведет к духовной слабости человека и обуславливает развитие злой воли.

Третьей трагедией человека, косвенным образом порождающей зло, Ильин считает "дискретность", т.е. разъединенность, разрозненность человеческого существования: "Человек человеку есть духовно-душевно-телесное инобытие. Люди взаимно разъединены, и это разъединение вещественно-закреплено и неизбежно. Каждый из нас испытывает непосредственно и подлинно только свои собственные субъективные состояния, потребности и желания; инстинкт каждого из нас произвольно сосредоточивается именно на них своим восприятием, вниманием, аффектом и попечением. Закон этого существования может быть выражен формулой «ты не я, а я не ты...»" (Ильин, 1993). Ильин справедливо замечает, что каждый из нас самого-то себя знает плохо, с грехом пополам, а уж "чужая душа" остается для нас сущими "потемками".

Весь непосредственный процесс жизни человека, ее начало и конец (рождение и смерть), душевные и телесные состояния человека, его способности, поступки, болезни, словом, все естество и судьба каждого из нас – остаются субъективными, отдельными от других людей, несмотря на все влияния и вторжения в чужую судьбу. Каждое человеческое существо остается самобытным, индивидуальным и оригинальным: никакие повторения, слияния, несмотря на взаимодействия и сходства, невозможны. Поэтому все люди своеобразны и единственны в своем роде и в своей субъективности. Каждый из нас, несмотря на общение, осуществляет свой земной путь в глубоком и неизбежном одиночестве. Это чувствуется особенно остро в критические минуты жизни: во время болезни, голода, обиды, гнева, душевной депрессии, отчаяния, несчастной любви, ревности, преступления, покаяния, жизненной опасности и смерти. Неприятие этого одиночества, по мнению Ильина, есть признак малодушия, принятие его есть проявление душевного мужества и силы. Длительное со-существование в общем пространстве, совместность в жизненных отправлениях, долгое и постоянное общение и национальное или семейное сходство – не могут нарушить важного закона бытия – человек остается субъективным, индивидуальным и одиноким. Этот закон влечет за собой целый ряд трагических последствий и ситуаций, с которыми человек вынужден считаться в своей жизни. Людей множество, и все они, – думают они об этом или не думают, – противостоят друг другу в соискании, соревновании, соперничестве. "Борьба за существование" есть страшный и неотвратимый закон жизни, против которого восстают и совесть, и сердце, но отменить его не могут. Индивидуализировать свое отношение человек может лишь очень к

немногим, самым близким людям, с которыми он длительно и тесно общается. Тогда все остальное бесчисленное множество людей остается вне индивидуализации. Отсюда следуют огромные трудности во взаимной душевно-духовной помощи, и невозможность любить всех людей.

Выход из сложившейся трагической ситуации И.А. Ильин видит в том, что человек должен осознать, принять все нравственные затруднения земной жизни и по возможности приблизиться к их преодолению путем собственного душевно-духовного преобразования: "человек, следующий долгу христианской совести, стремится прежде всего исключить себя по мере возможности из земной борьбы за существование, из всяческого «соискания», «соревнования» и «соперничества» в деле обладания земными благами; уйти из земной тесноты и давки, не лишая других того, что им желанно; отречься, отдать, уступить, устраниться; помочь нуждающимся, утешить страсти ожесточенных, смягчить и облагородить борьбу за существование" (Ильин, 1993). Именно таким образом человек в то же время достигает личного самоочищения, расширяет границы своего человекопонимания, увеличивает свой "дар душевно-духовной помощи". Безусловно, один человек не может помочь всем, да это и не входит в задание человека; всем помогать может только Бог. Человек же способен помогать тем, кого встречает на своем жизненном пути; проявлять доброту, благожелательство, любовь, сострадание и милосердие.

Человеку не дано отменить трагедию человеческого множества и разделения, но ему дано принять ее и стремиться к ее духовному преодолению: осознать множество как живое духовное единство и всячески способствовать его достижению. Философ разъясняет: "«Дискретный» способ существования дан нам для того, чтобы мы научились «конкретному» («дискретный» – разъединенный, разделенный, разрозненный; «конкретный» – сращенный) способу бытия: любви, созерцанию, со-страданию, молитве и помощи" (Ильин, 1996б). Духовность – это идеальное начало, которое объединяет людей между собой и тем самым позволяет быть источником и двигателем исторического прогресса.

Трагедия разделенности и разобщенности людей порождает еще одну важнейшую проблему – проблему добра и зла в мире, которую философ всесторонне анализирует в книге "О сопротивлении злу силою". Тема борьбы со злом в это время – время его изгнания из-под отчего крова, ставшего чужим и враждебным, – притягивала философа практической значимостью. Проблема зла, как никогда, приобрела актуальность в XX веке и потребовала пересмотра всего толстовского учения о добре и зле.

И.А. Ильин выступает против абстрактно-отвлеченного морализаторства, для него идея зла неприменима к материальной природе; сфера действия добра и зла – внутренний мир человека. "Зло начинается там, – пишет мыслитель, – где начинается человек, и притом, именно не человеческое тело во всех его состояниях и проявлениях, как таковых, а человеческий душевно-духовный мир – это истинное местонахождение добра и зла" (Ильин, 1996б). Отсюда следует, что никакое внешнее действие человека, взятое отдельно от породившего его душевно-духовного состояния, не может быть ни добрым, ни злым. Любой внешний поступок может быть только проявлением, обнаружением внутреннего добра или зла.

Добро и зло определяются философом через наличие или отсутствие любви и одухотворения и раскрываются через взаимоотношения человека и Бога. Добро он понимает как "одухотворенную любовь", которая проявляется в свободной, осознанной направленности к Богу, когда человек добровольно и активно стремится к Совершенству и ко всему в жизни подходит с меркой божественности: истинности, красоты, правоты, добра. Зло в представлении И.А. Ильина – это "противодуховная вражда", антипод добра, и заключается в отвращенности от Божественного. И.А. Ильин специально оговаривался, что зло нельзя понимать абстрактно: это не пустое слово, не отвлеченное понятие, не некая гипотетическая возможность – зло конкретно, оно реально присутствует в жизни людей. Он отмечает: "Зло есть, прежде всего, душевная склонность человека, присущая каждому из нас; как бы некоторое, живущее в нас *страстное тяготение* к разнуданию зверя, тяготение, всегда стремящееся к расширению своей власти и к полноте захвата" (Ильин, 1996б). Лишь на пути духовного воспитания возможно преодоление зла, ибо, в соответствии с духовным законом, не сопротивляющийся злу поглощается и поработается им. И.А. Ильин выступает решительно против гедонистического понимания зла как "всего неприятного, вызывающего страдания". Реальное зло находится в душе человека как антипод духовности и проявляется во внешних действиях: люди, лишённые духовности, чувства ответственности, совести, самообладания – это и есть люди "преступного нападения", бессовестные, безответственные соблазнители, насильники, лишённые жалости и правосознания.

Основную причину зла И.А. Ильин видел в трагической противоречивости человеческого бытия: "слабые" люди не выдерживают трагичной жизни и отвращаются от Бога; не справляются с искушениями и соблазнами земного существования. Поэтому философ подчеркивал важность и необходимость борьбы со злом не только в себе самом, но и в других. Ведь один инициативный злодей может составить несчастье всего человечества: он пробудит активность в сотне полузлодеев; они принудят тысячи слабых

и увлекут сотни тысяч глупцов; так беда может принять чудовищные размеры, поскольку толпа духовно слепа, беспомощна, подвержена внушению и соблазну и легко вовлекается в действия, основанные на зле, зависти, пошлости и лжи. Так возникает еще одна трагическая проблема – сопротивления злу, которая требует верного решения и вовсе не сводится к внешней борьбе со злыми и ожесточенными людьми; однако ее рассмотрение – за рамками настоящей статьи. Здесь же необходимо указать: Ильин был убежден в том, что сопротивление злу должно начинаться с его предотвращения в семье, в процессе воспитания детей ответственными, нравственными, требовательными, строгими родителями. Применение силы в борьбе со злом, безусловно, нравственно несовершенно, но практически оправданно. Любой человек, хочет он того или не хочет, живет, либо преодолевая, либо избегая, либо совершая зло или добро, и этой напряженной борьбой характеризуется и частная жизнь, и существование всего человечества. В самих понятиях добра и зла человеку отчетливо раскрывается трагичность его существования, не мыслимого без постоянного взаимодействия добра и зла.

4. Заключение

Таким образом, анализируя концепцию человека И.А. Ильина, можно утверждать, что проблемы сущности и существования человека философ рассматривает в духе экзистенциальной философии, особо подчеркивая трагичность положения человека на перекрестке всех противоречий мира и обреченность на страдания и борьбу. Без страдания не мыслим земной путь человека. Чем духовнее, значительнее человек, чем сильнее любит он Божие дело на земле, чем настойчивее ищет совершенства, тем более обречен он на страдания, тем неизбежнее и чаще он будет попадать в трагические ситуации. Однако парадокс человеческого бытия, по И.А. Ильину, заключается именно в том, что постоянное осознание своего безысходного трагического положения в мире и поиск путей его преодоления и есть основа осмысленности человеческой жизни. Человек духа, любви и совести вовсе не должен заранее примириться с трагическими исходами и конфликтами в настоящей и будущей жизни, не должен воспринимать их как нечто неизбежное. Духовный человек, осознавая трагичность своего положения, готовит себя к возможным негативным последствиям, но, тем не менее, принимает свободное решение искать тот единственно верный исход, который ведет по пути совершенствования и мира, и себя.

И.А. Ильин не останавливает свои рассуждения на пессимистической ноте; вся его философия пронизана глубоким гуманизмом и оптимизмом. Безусловно, достичь абсолютной гармонии человеческого существования невозможно, по крайней мере, в ближайшей исторической перспективе; но стремиться к ее достижению человек должен всеми своими духовными силами. Наставления Ильина звучат особенно актуально в наши дни, когда насущной задачей является духовное преобразование и человека, и общества. Будущее человечества может состояться только в том случае, если высокие нравственные идеалы завладеют общественным сознанием и станут нормой жизни каждого человека. Это и будет путь человечества к разрешению противоречий и достижению гармонии бытия.

Литература

- Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX-XX веках. Русская философия в поисках абсолюта: в 2 ч. СПб., Алетейя, 2000.
- Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. В 2 т. М., ТОО "Рарогъ", 446 с., 1993.
- Ильин И.А. Духовный смысл войны. М., Б. и., 1915.
- Ильин И.А. Идея личности в учении Штирнера. Опыт по теории индивидуализма. *Вопросы философии и психологии*, кн. 106 (2), с.55-93, 1911.
- Ильин И.А. Кризис идеи субъекта в наукоучении Фихте Старшего. Опыт систематического анализа. *Вопросы философии и психологии*, кн. 112 (2), с.290-344, 1912.
- Ильин И.А. О возрождении философского опыта. Собр. соч. в 10 т. М., Русская книга, т.3, 592 с., 1994а.
- Ильин И.А. О русской культуре. Там же, т.6, кн. 2, 672 с., 1996а.
- Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. Там же, т.5, 608 с., 1996б.
- Ильин И.А. Путь духовного обновления. Там же, т.1, 400 с., 1996в.
- Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб., Наука, 544 с., 1994б.
- Ильин И.А. Философия Фихте как религия совести. *Вопросы философии и психологии*, кн. 122 (2), с.165-185, 1914.